
Зарубежная литература

УДК 821.113.6

DOI: 10.31249/lit/2023.02.09

КРАСАВЧЕНКО Т.Н.¹ МАГИЯ СКАЗКИ И РЕАЛИЗМА: СЕЛЬМА ЛАГЕРЛЁФ В РОССИИ

Аннотация. Знакомство российского читателя с творчеством шведской писательницы Сельмы Лагерлёф (1858–1940, Нобелевская премия 1909), в котором сочетались неоромантизм, реализм и модернизм, христианская проповедь и сказка, произошло на волне открытия скандинавской литературы в России в конце XIX и, главным образом, в начале XX в. – в период Серебряного века и русского религиозного возрождения. Изучение истории вхождения Лагерлёф в зарубежный пантеон русской литературы раскрывает механизм взаимодействия русской и шведской культур, специфику разных этапов восприятия творчества Лагерлёф в России – в начале XX в., в советское и постсоветское время.

Ключевые слова: шведская литература; российский «зарубежный пантеон»; межкультурная коммуникация, Марина Цветаева.

Для цитирования: Красавченко Т.Н. Магия сказки и реализма: Сельма Лагерлёф в России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2023. – № 2. – С. 126–140. DOI: 10.31249/lit/2023.02.09

KRASAVCHENKO T.N.² The magic of fairy tale and realism: Selma Lagerlöf in Russia

¹ **Красавченко Татьяна Николаевна** – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, e-mail: tatianakras@mail.ru

² **Krasavchenko Tatiana Nikolayevna** – DSc in Philology, Leading Researcher of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, e-mail: tatianakras@mail.ru

Abstract. The acquaintance of Russian readers with the works of Swedish writer Selma Lagerlöf (1858–1940, Nobel prize – 1909), which combined neo-romanticism, realism and modernism, Christian message and fairy-tale, took place on the wave of discovery of Scandinavian literature in Russia at the end of the nineteenth – beginning of the twentieth century during the Silver Age and Russian religious revival. The study of Lagerlöf’s entrance into the “foreign pantheon” of Russian literature reveals the mechanism of Russian and Swedish cultural interaction, the specifics of different stages of Lagerlöf perception in Russia – at the beginning of the twentieth century, in Soviet and post-Soviet times.

Keywords: Swedish literature; Russian “foreign pantheon”; intercultural communication; Marina Tsvetaeva.

To cite this article: Krasavchenko, Tatiana N. The magic of fairy tale and realism: Selma Lagerlöf in Russia // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2023, pp. 126–140. DOI: 10.31249/lit/2023.02.09 (In Russian)

Конец XIX в. и особенно начало XX в. – время интенсивного «освоения» скандинавской литературы в России, чему в тот период дали импульс активно работавшие переводчики и множество журналов и издательств, публиковавших переводы. «Волну скандинавомании», характерную для того времени, описал знаменитый поэт Серебряного века – Константин Бальмонт, переводчик-полиглот, читавший в подлиннике Ибсена [Крейд, 1992, с. 7]. Бальмонт перевел на русский «Историю скандинавской литературы от древнейших времен до наших дней» датского историка литературы Фредерика Винкеля Горна (она вышла в 1894 г. в московском издательстве известного покровителя искусств, предпринимателя Козьмы Солдатёноква). В предисловии к переводу Бальмонт заметил: «Есть нечто, тесно сближающее нас с нашими северными братьями. И русским, и скандинавам в одинаковой степени свойственны те черты, которые делают нашу литературу популярной в Скандинавии, а скандинавскую – в России. Эти черты: широкий размах мысли и чувства, неутомимая жажда героизма, идеалистическая мечтательность, глубокая грусть и горький юмор» [цит. по: Мурадян, 2003].

Впервые прозу Сельмы Лагерлёф перевела на русский Ольга Петерсон (1857–1919 или 1920), известная не только как переводчица, но и как литературовед (в 1882 г. она окончила историко-филологическое отделение Высших женских – Бестужевских курсов). Ее перевод новеллы «Падший король» (в более поздних переводах – «Развенчанный король», «Свергнутый король») из сборника «Невидимые цепи» (1894) был опубликован в 1895 г. в петербургском журнале «Северный вестник». Затем в периодике появились и другие переводы – на Урале, в Ростове-на-Дону, Риге, в Санкт-Петербурге (в популярном журнале «Нива» и «Вестнике иностранной литературы»). А в 1902–1903 гг. в петербургском журнале «Русский вестник» частями печатался первый переведенный на русский роман Лагерлёф – «Иерусалим»; полностью он вышел в петербургских издательствах – «Типография В.В. Комарова» в 1902 г. и просветительницы, писательницы, переводчицы О. <льги> Н. Поповой – в 1903 г. В 1905 г. издательство Д. <митрия>. П. Ефимова в Москве выпустило книгу рассказов Лагерлёф – «Северные легенды» (из сборника «Невидимые цепи»). В 1900–1910-е годы переводы скандинавских авторов, в том числе и Лагерлёф, нередко были анонимными, делались с пропусками и к тому же не с оригинала, а с других европейских языков, прежде всего немецкого.

Лагерлёф повезло – ее произведения переводила со шведского Мария Благовещенская (1863 – после 1953), известная переводами Стриндберга, Кнута Гамсуна и других скандинавских писателей. Долгое время жившая с родителями в Финляндии (ее отец был директором русской гимназии в Гельсингфорсе), она владела финским, шведским, норвежским, датским. Она перевела романы Лагерлёф «Чудеса антихриста» – в 1903 г., «Сага о Йёсте Берлинге» – в 1904 г., повести «Деньги господина Арне» и «Легенда одной усадьбы» – в 1908 г., роман «Дом Лильекруны» – в 1912 г., повесть «Возница» – в 1913 г., роман «Император Португальский» – в 1915 г., в 1905 г. вышел ее новый перевод романа «Иерусалим».

В 1909 г. Шведская академия, изучив романы «Сага о Йёсте Берлинге», дилогию «Иерусалим», повести «Деньги господина Арне», «Легенда одной усадьбы», сказочную книгу «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции», приняла решение о присуждении Лагерлёф Нобелевской

премии по литературе «в знак признания благородного идеализма, яркого воображения и духовных поисков» в ее творчестве [Annerstedt, 1909]. В российской прессе в том же 1909 г. много писали о присуждении Лагерлёф Нобелевской премии; ее Нобелевскую речь опубликовал петербургский ежемесячный литературно-художественный журнал «Вестник иностранной литературы». А в 1909–1911 гг. в московском «Книгоиздательстве В.М. Саблина» вышло 12-томное собрание Лагерлёф, включившее в себя переводы наиболее значительных из написанных к тому времени произведений писательницы. Открыла собрание сочинений «Сага о Йёсте Берлинге» в переводе М. Благовещенской.

Пожалуй, именно этот роман и еще «Легенды о Христе» (в других переводах «Сказания о Христе») были наиболее популярными тогда в России произведениями Лагерлёф. Впервые «Легенды о Христе» в русском переводе вышли в 1904 г. (практически сразу после публикации оригинала в Швеции), и с 1907 по 1917 г. в разных переводах они издавались не менее девяти раз, в 1917 г. – в московском издательстве И. Кнебеля. В 1910 г. они были опубликованы в переводе Веры Спасской (1852–1938), дочери профессора Московского университета, физика Михаила Спасского. А в 1913 г. вышли в переводе Николая Смоленского в приложении к петербургскому ежемесячнику «Отдых христианина». В качестве переводчиков выступали порой и сами издатели – например, Владимир Саблин перевел новеллу «Святая ночь».

Интерес к «Легендам о Христе», созданным Лагерлёф по впечатлениям от ее поездки в Святую землю, вписался в русло сложной культурной ситуации в России начала XX в., в которой пересеклись «утопические идеалы народного христианства, социальная тематика богословов, интересы салонно-бытового оккультизма и литературной мистики», а на фоне «критики “исторического христианства”» обострилось «переживание православной доктрины как по преимуществу христоцентричной. Никогда личность Христа не привлекала столько внимания множества людей культуры, как во времена “серебряного века”. <...> В начале века выходят переводы книг Ф.У. Фаррара (“Жизнь Иисуса Христа”, 1904), Э. Ренана (“Жизнь Иисуса”, 1907), Д.Ф. Штрауса (“Старая и новая вера”, 1906; “Жизнь Иисуса”, 1907)» [Исупов, 2000, с. 108–109].

В ту пору Лагерлёф воспринимали в России как мистическую писательницу. Поэт и переводчик Лев Уманец (1858 / 1859 – не ранее 1912) писал в 1903 г.: Лагерлёф – «не только самая мистическая шведская писательница, но и наиболее выдающаяся. Это признано единогласно ее соотечественниками. <...> В настоящее время шведская литература занимает первое место среди Скандинавских стран (Швеция, Дания и Норвегия). У нее есть значительный историк и романист Вернер фон-Гейденстам; кроме того, Халльстром и Густаф аф-Гейерстам, и все они обнаруживают очевидное пристрастие к мистицизму, столь противоположное прежнему “реализму”» [Уманец, 1903, с. 133]. В первом же романе Лагерлёф – «Сага о Йёсте Берлинге» (1891) – манера писательницы, по словам Л. Уманца, «настолько оригинальна, что непосвященный читатель сначала недоумевает, к какому роду произведений можно отнести эту книгу. Что это такое, – спрашивает он себя, – повесть или волшебная сказка? Собрание легенд или аллегория? Но постепенно, вчитываясь все более и более, вы начинаете чувствовать необъяснимую прелесть, которая невольно вас привлекает» [Уманец, 1903, с. 133]. В рассказах Лагерлёф критик находит «тонкое понимание человеческой природы» [Уманец, 1903, с. 134].

Уже в ту пору формируется представление о Лагерлёф как писательнице-почвеннице: Швеция – центр ее художественного мира. При этом практически все критики начала XX в. уловили эстетическую специфику прозы Лагерлёф. Об ее неоромантизме писала в 1904 г. Ольга Петерсон: «Это талант оригинальный и яркий и притом вполне национальный и самобытный. Искони укоренившиеся устои и традиции, тишина и неподвижность жизни, свойственные местечкам, удаленным от больших и шумных центров, создают среду, в которой долго сохраняются простота и чистота нравов. <...> Воспитанная в строгой школе реализма последнего периода европейской литературы вообще и скандинавской в особенности, Сельма Лагерлёф <...> обнаруживает большую склонность в сторону вновь нарождающегося романтизма. Реальной школе она, несомненно, обязана своей строгой правдивостью и верностью изображения характеров и бытовой жизни, хотя при этом она и остается совершенно чужда крайностей так называемого натурализма. Романтизм же ее литературного темперамента яс-

но сказывается в ее несомненном стремлении в область легенды и предания» [Петерсон, 1904, с. 183, 186, 189, 201].

Лагерлёф, как заметил литератор К. Норов в 1905 г., изображала, казалось бы, малопонятный российскому читателю мир шведского крестьянства, но благодаря своему таланту она сумела «в этом маленьком мирке найти и изобразить такие черты, которые глубоко заинтересуют всякого интеллигентного читателя, будь он швед, русский, поляк, немец» [Норов, 1905, с. 298–299]. Успех писательницы К. Норов объяснил ее необыкновенной силой воображения, даром плавного изложения, богатством чувств и любовью ко всему живому на земле.

Метафизические смыслы неоромантического творчества Лагерлёф выявил в эссе о ней, вошедшем в сборник «Слова о словах: Критические статьи» (1916), влиятельный в начале XX в. литературный критик Юлий Айхенвальд (1872–1928), разрабатывавший теорию эстетизма (известно, что В. Набоков называл его «русской версией» теории эстетизма английского эссеиста, историка искусств Уолтера Пейтера). По мнению Айхенвальда, писательницу более всего интересует «изначальное Слово». Специфику ее творчества он усматривает в том, что она воспринимает жизнь как нечто скучное, серое, опасное, а смерть – как «освободительницу» («Сага о Йёсте Берлинге»), которая почти всегда рядом с любовью, связанной с музыкой (повесть «Легенда одной усадьбы», 1899), при этом границы между реальностью и фантазией, жизнью и смертью, мудростью и безумием, живым и безжизненным в книгах Лагерлёф были зыбкими. Айхенвальду импонирует свойственная писательнице персонификация природы. Ее творчество в целом он назвал «Евангелием от Сельмы» [Айхенвальд, 1916, с. 128].

Литературоведа Юрия Веселовского (сына Алексея Николаевича Веселовского, историка западноевропейской литературы, и племянника Александра Николаевича, автора знаменитых работ по исторической поэтике), работавшего в русле культурно-исторического метода, творчество Лагерлёф привлекло противостоянием натурализму. В статье, опубликованной в 1916 г. в журнале «Вестник воспитания», Ю.А. Веселовский писал о балансировании писательницы между реализмом и романтизмом, между изображением повседневности и фантазии, отмечал ее пристрастие в духе романтизма к вещим снам и видениям, свойственную ей,

идущую от народных преданий веру во власть природы над людьми, склонность к одушевлению природы («Бегство в Египет», «Иерусалим», «Император Португалии»). Он находит в творчестве Лагерлёф традиции не только шведских литераторов – поэта Карла-Микаэля Бельмана, прозаика Карла Альмквиста и финского шведоязычного поэта Йохана Людвиг Рюнеберга, писавшего стихи национально-романтического содержания, но и явное воздействие Шекспира, Вальтера Скотта, Гёте, что вписывает ее в более широкий контекст европейской литературы.

В очерке «Шведская литература наших дней» в книге «Литературные очерки» (1910) Ю. Веселовский особо отмечает религиозные мотивы в творчестве Лагерлёф – прежде всего в «высоко поэтических, свободно обработанных, местами – предоставляющих большой простор творческой фантазии “Легендах о Христе”» или двухтомном романе «“Jerusalem”», в котором отражается религиозный экстаз группы крестьян из Далекарлии, увлеченных мечтою о паломничестве в Иерусалим, в поисках душевного обновления, со всем порывающих, чтобы только осуществить эту мечту, и принужденных вынести на почве Палестины ряд горьких разочарований, столь непохожих на то, что они надеялись там встретить» [Веселовский, 1910, с. 381–382].

Веселовский пишет о демократизме писательницы – ее «сочувствии деревенскому люду», ее любви к родной природе, – тут образцом для него служит «Путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции», где «элемент строго реальный смешан с фантастическим, и, изображая скитания мальчика Нильса, превращенного силою волшебства в карлика и несущегося над Швецией вместе со стаей диких гусей и время от времени опускающегося на землю», Лагерлёф «дает нам попутно художественное описание всей Швеции, с ее устройством поверхности, озерами, реками, шхерами, флорой и фауной, захолустными уголками и крупными центрами, обломками старины, народными обычаями, промыслами, складом жизни, суевериями, легендами и пр.» [Веселовский, 1910, с. 383–384]. Критик отмечает, что к 1910 г., когда были изданы его «Очерки...», вышло три русских перевода первой части этого произведения. В начале XX в. книга о Нильсе частями публиковалась в детских и юношеских журналах – «Юный читатель» (Петербург, 1899–1906), «Юная Россия» (Москва, 1869–1918), «Детский мир»

(Москва, 1907–1915). С сокращениями она выходила в переводе Любви Хавкиной (1871–1949), которая в предисловии к изданию книги 1912 г. писала о том, что произведения Лагерлёф «пробуждают в людях прекрасные чувства, учат их жить в добродетели и справедливости», «любить природу и родину» [Лагерлёф, 1912, с. 5–6]. Моралистическое начало, свойственное творчеству Лагерлёф, пожалуй, наиболее сильно ощущалось в книге о Нильсе, которая, возможно, из-за этого или из-за не очень удачных и неполных переводов уступала в популярности «Легендам о Христе» и «Саге о Йёсте Берлинге».

Читателей и литераторов Серебряного века привлекало мифопоэтическое мышление Лагерлёф, не вытеснявшее историю, а сосуществовавшее с нею, возвышавшееся над нею, что означало приоритет бытийных критериев. По сути, оно напоминало о верности христианско-этическим традициям, о необходимости осуществлять их в обыденной жизни.

Произведения Лагерлёф имели успех в России, вероятно, еще и потому, что, кроме новизны, в них присутствовала доля узнаваемости «знакомых черт», «знакомых сюжетов», необходимая для приятия творчества писателя другой культуры. Основывавшаяся на национальных преданиях и сказках, кое-что заимствовавшая у Шекспира и других европейских писателей, Лагерлёф не была чужда и русской классической литературе.

В Нобелевской речи она назвала в числе тех, кому обязана, «великих русских, которые писали, когда я была еще ребенком, как я смогу воздать им должное?» [Лагерлёф, 1909]. А в 1928 г. в беседе с одной из почитательниц упомянула конкретно – Тургенева и Толстого как «великих прозаиков, которых изучала», и добавила: «Обычно литература той или иной страны накатывает на нас, подобно волне <...>. Сама я пережила несколько таких волн. Сначала норвежцев. Затем – русских» [цит. по: Шарыпкин, 1975, с. 125.]. В первом же романе Лагерлёф – «Сага о Йёсте Берлинге» – российский литературовед Дмитрий Шарыпкин (1937–1978) выявил гоголевские и тургеневские мотивы – о счастливой и спокойной жизни на лоне природы – в старинной помещичьей усадьбе, а также тему различия поколений, сведенную писательницей к уровню быта [Шарыпкин, 1975, с. 126].

Американский литературовед эстонского происхождения Виктор Террас (1921–2006) возводит к пушкинскому «Медному всаднику» эпизод преследования героя «Чудесного путешествия...» Нильса статуей шведского короля Карла IX, основателя военного порта Карлскруна [Terras, 1961, p. 150–154]. Нильс приходит к памятнику Карла «лунной ночью» после «грозы с ливнем» и, подобно Евгению, который видит на «пустой площади» Медного всадника, сначала созерцает «бронзового мужа» «на большой площади», а затем дерзко-фамильярно обращается к нему, назвав его «губошлепом», и, не успев далеко отойти, слышит за собой тяжелые шаги. Лагерлёф, как считает Д. Шарыпкин [Шарыпкин, 1975, с. 126], скорее всего читала поэму Пушкина в шведском переводе 1887 г., где, как и в ее книге, грозное видение исчезает в лучах восходящего солнца. По мнению Д. Шарыпкина, сама композиция главы свидетельствовала о полемике и перекличке с Пушкиным. «Медный всадник» открывается, а эпизод у Лагерлёф завершается панегириком королю, строителю государства, заложившему город, верфь и создавшему флот. «Но если “град Петров” подвержен разрушительным приступам враждебной маленькому человеку стихии, то “град Карлов” <...>, несмотря ни на какие дожди и бури, стоит непоколебимо. <...> история Швеции развивается <...> от бедности и унижения к изобилию и независимости <...>. Карл, каким бы “бронзовым” он ни казался, все же отец своим подданным» [Шарыпкин, 1975, с. 128].

Как уже отмечалось, Лагерлёф была склонна к мистике, о чем, кроме «Легенд о Христе», свидетельствуют и ее «Истории из Хальстанеса» (1898), и повесть «Возница» (1912), основанная на легенде: последний умерший в новогодний вечер управляет каретой Смерти весь следующий год. Как выяснилось, Лагерлёф привлекали мистические идеи Д.С. Мережковского, в частности его историософская книга «Антихрист. Петр и Алексей», которую она считала «правдивой, как ничто другое из того, что ей довелось читать о России» [цит. по: Шарыпкин, 1975, с. 127].

В 1890-х – 1900-е годы в Скандинавии, как и в Западной Европе, формируется «культ» Достоевского. Следуя его роману «Идиот», Лагерлёф создает образы истинных христиан, бескорыстных и смиренных. Таков добрый и несчастный крестьянин, герой романа «Император Португалии» (1914), – идиот, вообра-

живший себя императором далекой страны. Таков герой романа «Отлученный» (1918), принимающий хулу, поношения с христианским смирением. По мнению Д. Шарыпкина, писательница и в своем отношении к Достоевскому следовала Мережковскому – шведский перевод его книги «Л. Толстой и Достоевский» был опубликован в 1907 г. [Шарыпкин, 1975, с. 135].

* * *

В СССР творчество Лагерлёф воспринимали в соответствии с изменившимся отношением к литературе, от которой стали требовать реалистического изображения жизни «простого народа», воспитания нового – «советского человека», активной политической позиции.

В 1937 г. имя Лагерлёф фигурировало в списке «Антифашистские писатели мира», напечатанном в двенадцатом номере выходившего в Москве журнала «Интернациональная литература». В краткой статье о писательнице говорилось об ее неизменном сочувствии крестьянам и уважении к народной культуре, о том, что Лагерлёф, аполитичная в прошлом, ныне активно выступила против нацизма. В марте 1940 г. «Интернациональная литература» откликнулась на смерть писательницы небольшим некрологом.

Литературный талант Лагерлёф оценил М. Горький, что немало способствовало публикации ее произведений в СССР. Сравнив ее с итальянской писательницей Грацией Деледда, Горький в письме писательнице Л.А. Никифоровой 2 июня 1910 г. заметил: «Смотрите, какие сильные перья, сильные голоса! У них можно кое-чему поучиться нашему брату-мужику!» [Горький, 2001, с. 86–87].

В 1958 г. столетие со дня рождения писательницы отмечалось 20 ноября в Доме работников искусств, где с докладом (на следующий день его опубликовала газета «Правда») выступила поэтесса и прозаик Вера Инбер, которая в характерной для советского времени риторике оценила творческий вклад Лагерлёф в мировую культуру, упомянув «Сагу о Йёсте Берлинге» и «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона», одобрительно высказалась об активном участии писательницы в борьбе за равноправие женщин и упрекнула ее за веру в возможность мирного сосуществования богатых и бедных. На заседании зачитали речь Лагерлёф на Международном женском конгрессе в Стокгольме в 1911 г.

В 1959 г. крупнейшее советское издательство Гослитиздат (с 1963 г. – «Художественная литература») опубликовало «Сагу о Йёсте Берлинге» (в переводе Евгения Чернявского, 1912–2002). В послесловии литературовед Александр Дейч охарактеризовал роман как одно из самых оригинальных литературных явлений второй половины XIX в., в котором достоверно изображена действительность, а элементы фантастики способствуют раскрытию его поэтического и философского смысла [Дейч, 1959]. «Сага о Йёсте Берлинге» долгое время оставалась главным романом Лагерлёф, доступным советскому читателю.

Наконец, в 1972 г. в Ленинграде в издательстве «Художественная литература» вышла «Трилогия о Лёвеншёльдах» (1920–1928) – «Перстень Лёвеншёльдов» (1925), «Шарлотта Лёвеншёльд (1925)», «Анна Сврд» (1928) – с предисловием известной скандинавистики, переводчицы Людмилы Брауде (1927–2011). В центре трилогии – жизнь семьи на протяжении пяти поколений – с 1730-го до 1860-го года, протекавшая в основном в двух провинциях Швеции – Вермланде и Далекарлии, где неторопливый, размеренный ритм жизни нарушался лишь помолвками, свадьбами, поминками – Лагерлёф описывает их со всеми этнографическими подробностями. После этого в советской критике, для которой реализм был главным фетишем, Лагерлёф признали великим реалистом, представившим историю Швеции с глубоким психологическим проникновением. Особенность советских изданий прозы Лагерлеф в том, что они выходили с купюрами – из них удаляли «религиозные» эпизоды (размышления о Боге, сцены в церкви и пр.).

Книга-сказка о Нильсе не раз публиковалась в советское время – в ставшем относительно широко известном свободном пересказе Зои Задунайской и Александры Любарской (1940); в переводах – Б. Соловьёва (1934), Людмилы Брауде (1982) и др.; но, учитывая масштабы страны, этих изданий было мало – едва ли можно сказать, что книга стала настольной для советских детей.

В постсоветский период в 1991–1993 гг. издательство «Художественная литература» выпустило собрание сочинений Лагерлёф в четырех томах, подготовленное Л. Брауде с участием видных российских переводчиков-скандинавистов – Анны Савицкой, Инны Стребловой, Нины Беляковой, Фаины Золотаревской, Елены Паклиной и других. Оно построено в основном по жанровому

принципу. В первом томе – произведения, в основе которых народные предания – «Сага о Йёсте Берлинге» и др., во втором – сказочная книга «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» и литературные сказки, в третьем – трилогия о Лёвеншёльдах; в четвертом – философские сочинения, легенды, роман «Король Португальский», «Деньги господина Арне» и другие повести, новеллы, поэма «Маргарета Миротворица».

В постсоветское время, пожалуй, самой известной, успешной и часто издаваемой стала книга о Нильсе. Она выходила в пересказе детской писательницы Ирины Токмаковой, в вольном переводе поэта Марка Тарловского, в переводах Людмилы Брауде, Фаины Золотаревской, А. Печерской, А. Васильевой, И. Котовской, О. Улищенко. Один из наиболее полных переводов книги принадлежит Сергею Штерну. Но чаще всего издательства отдавали предпочтение пересказу А. Любарской и З. Задунайской, в некоторые его издания были включены стихи в переводе С. Маршака.

В постсоветское время вышла, пожалуй, самая сокровенная книга Лагерлёф – автобиографическая мемуарная трилогия «Морбакка» (1922), «Мемуары ребенка. Морбакка II» (1930) и «Дневник Сельмы Оттилии Ловисы Лагерлёф» (1932) – в переводе (издательство Corpus) Нины Федоровой, за который она в 2011 г. получила премию «Мастер» в гильдии «Мастера литературного перевода», а в 2022 г. в том же переводе книгу опубликовало издательство «Иллюминатор» с предисловием известной скандинавистики – литературоведа и переводчика Катарины Мурадян «Сельма Лагерлёф: “Любовь побеждает все”» [Мурадян, 2022]. Это книга о детстве писательницы в родовой усадьбе «Морбакка», расположенной в одном из самых живописных районов Центральной Швеции – Вермланде, его окруженные холмами озера «невольно наводят на мысль об Озерном крае в Англии» [Мурадян, 2022, с. 7]. Во второй половине 1880-х годов семья разорилась, и в конце концов усадьбу пришлось продать. Однако Морбакка неизменно оставалась для Сельмы «потерянным раем», основой ее мира. И как только появилась возможность, она вернулась в родную усадьбу: Нобелевская премия и солидные гонорары позволили ей

выкупить Морбакку. И в «поисках утраченного времени» она написала о ней книгу.

Именно из Морбакки перед и во время Второй мировой войны из сохранявшей нейтралитет Швеции звучал как «голос советсти», пишет К. Мурадян, голос Лагерлёф в поддержку беженцев из нацистской Германии. «В 1930-е годы Лагерлёф организовала благотворительный фонд, благодаря которому многие антифашисты перебрались в Швецию, избежав лагерей и тюрем. В последний год своей жизни (ей было уже 82!) она помогла оформить шведскую визу немецкой поэтессе Нелли Закс¹ и ее матери и таким образом спасла их от неминуемой гибели» [Мурадян, 2022, с. 23].

Лагерлёф умерла в Морбакке 16 марта 1940 г. Согласно ее собственной воле, она была похоронена неподалеку от любимой усадьбы, в которой в 1942 г. открыли мемориальный музей, существующий по сей день. Усадьбу Морбакка, «малую родину великой шведской писательницы Сельмы Лагерлёф» К. Мурадян называет «сердцем Швеции» [Мурадян, 2022, с. 23].

Книга Лагерлёф о Морбакке произвела глубокое впечатление на Марину Цветаеву (скорее всего она читала ее в немецком или французском переводе). 16 июля 1937 г. она написала из Франции (из Lacaune-Océan, Gironde) в Прагу своей чешской подруге – писательнице Анне Тесковой: «Какая улада <...> ее Marbaska: их трехсотлетняя родовая усадьба, где она родилась и выросла, к<отор>ую она потом, уже пожилая, выкупила: дом и сад. Если читали – напишите, если не читали – прочтите, тут же, летом. И подумайте, что ей 80 лет!» [Цветаева, 1995, с. 454].

Отношение Цветаевой к Лагерлёф заслуживает особого внимания: Цветаева почувствовала, что Лагерлёф и норвежская писательница Сигрид Унсет, автор знаменитой трилогии «Кристин, дочь Лавранса»², – это люди одной с ней «породы». В письме Анне Тесковой 17 октября 1930 г. из Медона Цветаева призналась: «Мне, чтобы о человеке сказать, нужно его любить пуще всего. И о Лагерлёф сказала бы» [Цветаева, 1995, с. 388.], и 11 декабря 1933 г. – из Кламара: «Знаете ли Вы – Вы, конечно, знаете! что Вы совсем целиком, из чудесного женского мира Лагерлёф и Унсет,

¹ Нобелевская премия 1966. – Т. К.

² Подробнее об этом см. в: [Красавченко, 2022].

что те – *Ваша* порода, а Вы – *их*» [Цветаева, 1995, с. 408]. А 29 марта 1936 г. Цветаева из Ванва написала Тесковой, что живет «под тучей отъезда» в СССР, что жизнь ее «переламывается пополам»: «Всё думаю, что сделала бы на моем месте Сельма Лагерлёф или Сигрид Унсет, которая (которые) для меня образец женского мужества» [Цветаева, 1995, с. 436, 437].

* * *

Очевидно, что Сельма Лагерлёф, в разные исторические периоды по-разному воспринимавшаяся в России, органично вписалась в российский «пантеон зарубежной литературы» [Мурадян, 2003].

Список литературы

1. *Айхенвальд Ю.* Слова о словах : критические статьи. – Петроград : Книгоиздательство бывш. М.В. Попова, 1916. – 156 с.
2. *Брауде Л.* Сельма Лагерлёф и мир ее творчества // *Лагерлёф С.* Собрание соч. : в 4 т. – Ленинград : Художественная литература, 1991. – С. 5–22.
3. *Веселовский Ю.А.* Литературные очерки. – Москва : Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерова и Ко., 1910. – Т. 2. – 429 с.
4. *Горький А.М.* Полное собр. соч. Письма : в 24 т. – Москва : Наука, 2001. – Т. 8 : Письма, 1910–1911 (январь-февраль). – 605 с.
5. *Дейч А.* Послесловие // Лагерлёф С. Сага о Йёсте Берлинге. – Москва : Гослитиздат, 1959. – С. 114–118.
6. *Исулов К.Г.* Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) // *Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов).* – Москва : ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. – Кн. 1. – С. 69–130.
7. *Красавченко Т.Н.* «Люди одной породы» : что Сигрид Унсет значила для Марины Цветаевой // *Литературоведческий журнал.* – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – № 3 (57). – С. 28–47.
8. *Крейд В.* Бальмонт в эмиграции // Бальмонт К.Д. Где мой дом. Стихотворения. Художественная проза. Статьи. Очерки. Письма. – Москва : Республика, 1992. – Т. 2. – С. 5–20.
9. *Лагерлёф С.* Чудесное путешествие мальчика по Швеции : сокр. пер. со швед. – Санкт-Петербург : Вятское товарищество, 1912. – 320 с.
10. *Люстров М.Ю.* Русско-шведские литературные связи в XVII–XVIII в. // *Герменевтика древнерусской литературы.* – 2008. – № 13. – С. 13–272. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russko-shvedskie-literaturnye-svyazi-v-xvii-xviii-vv> (дата обращения 20.01.2023)
11. *Мурадян К.* Конец тысячелетия : скандинавский литературный пантеон в России (проблемы культурного взаимодействия, итоги и перспективы) [Электронный ресурс] // *Svenska Palmen* : [сайт]. – [Stockholm, 2003]. – URL:

- <http://www.sweden4rus.nu/rus/info/mouradian/mouradian.asp> (дата обращения 20.01.2023)
12. *Мурадян К.* Сельма Лагерлёф : «Любовь побеждает все...» // Лагерлёф С. Девочка из Морбакки. Записки ребенка / перевод со шведского Н. Фёдоровой. – Москва : Иллюминатор, 2022. – С. 5–23.
 13. *Норов К.* Сельма Лагерлёф и сага // Вестник литературы. – 1905. – № 13. – С. 298–299.
 14. *Петерсон О.* Сельма Лагерлёф. Литературный очерк // К свету : научно-литературный сборник / под ред. Летковой Ек. П., Батюшкова Ф.Д. – Санкт-Петербург : Комитет Общества доставления средств С.-Петербургским Высшим Женским Курсамъ, 1904. – С. 182–202.
 15. *Уманец Л.* Скандинавские мистики // Русская мысль. – 1903. – Июль. – С. 117–136.
 16. *Цветаяева М.* Собрание соч. : в 7 т. – Москва : Эллис Лак, 1995. – Т. 6. – 800 с.
 17. *Шарыткин Д.М.* Русская литература в скандинавских странах. – Ленинград : Наука, 1975. – 220 с.
 18. *Annerstedt C., President of the Swedish Academy.* The Nobel Prize in Literature 1909 : award ceremony speech [Нобелевская премия 1909 г. по литературе : речь на церемонии вручения Нобелевской премии Президента Шведской Академии] // The Nobel Prize [electronic resource]. – Stockholm, 1909. – 10.12. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1909/ceremony-speech> (дата обращения 20.01.2023)
 19. *Lagerlöf S.* The Nobel Prize in Literature 1909 : banquet speech [Нобелевская премия 1909 г. по литературе : Нобелевская речь лауреата] // The Nobel Prize [electronic resource]. – Stockholm, 1909. – 10.12. – URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1909/lagerlof/speech/> (дата обращения 20.01.2023)
 20. *Terras V.* Two bronze monarchs [Два бронзовых монарха] // Scandinavian studies. – 1961. – Vol. 33, N 3. – P. 150–154.